

ДИСТРИБУЦИИ ПОЛНЫХ И ГИПОКОРИСТИЧЕСКИХ ФОРМ НЕКОТОРЫХ ХРИСТИАНСКИХ ИМЕН В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XV ВВ.

Гамбарова Х.Х.

НавГПИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.14904975>

Аннотация: Статья посвящена дистрибуции полных и гипокористических форм некоторых христианских имен в древнерусском языке XI–XV вв., отраженном в летописях и берестяных грамотах. В статье рассматриваются наиболее распространенные имена с дихотомией «полный vs. гипокористический вариант», последовательно употребляемые в отношении лиц с различным социальным статусом: *Василий (Василько, Василь)*, *Михаил (Михалко, Михаль)*, *Георгий (Юрий, Дюрди, Гюргий и др.)*, *Дмитрий (Дмитр)*. В отношении гипокористических форм этих имен проверялась гипотеза об их нейтрализующей функции в контексте адаптации иноязычного именослова.

Ключевые слова: гипокористика, диминутив, имена собственные, социальные факторы, древнерусский язык.

DISTRIBUTION OF FULL AND HYPOCORISTIC FORMS OF SOME WIDELY GIVEN CHRISTIAN PERSONAL NAMES IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE OF THE 11TH–15TH CENTURIES.

Abstract: The article deals with the distribution of full and hypocoristic forms of some widely given Christian personal names in the Old Russian language of the 11th–15th centuries. We discuss the dichotomy between full and hypocoristic forms of the same names, according to the social status of the person: *Vasilij (Vasil'ko, Vasil')*, *Mixail (Mixalko, Mixal)*, *Georgij (Jurij, Djurdi, Gjurgij, etc.)*, *Dmitrij (Dmitr)*. With the help of diachronic analysis, we track the general evolution in the field of Old Russian Christian naming.

Keywords: diminutive, hypocoristics, Old Russian, proper names, social factors.

Диахронический анализ позволил проследить общую эволюцию в сфере христианского имени наречения в зависимости от социального статуса персонажа, а также подтвердил анализируемую гипотезу на основании многочисленных формальных признаков. Было установлено, что изначально христианские имена фигурировали только в полном каноническом варианте и только применительно к святым и церковным деятелям, тогда как светские лица, как правило, в качестве основных носили исконно славянские имена. В дальнейшем христианские имена стали более регулярно употребляться в обиходе среди разных слоев населения, причем первоначально (до XIII в.) — в гипокористическом виде (формы на *-ко* у князей и знатных лиц, усеченные формы — для более низких в социальной иерархии лиц). Впоследствии гипокористические формы (как на *-ко*, так и усеченные) развили дополнительную семантику уменьшительности, связанную с более низким социальным статусом персонажа, и в связи с этим для лиц, занимающих более высокое место в социальной иерархии, постепенно были вытеснены полными формами. Сравнение летописей с берестяными грамотами позволило более четко проследить хронологические рамки

«адаптивного» использования гипокористических форм, а также уточнить поведение некоторых форм имен, чья природа ранее не была до конца очевидной.

Гипокористические формы личных имен являются одной из универсалий в языках мира. Данные формы представляют собой усеченные варианты имен, которые могут сопровождаться дополнительными словообразовательными средствами (суффиксами, редупликацией)¹

Во многих случаях употребление гипокористических форм объясняется совокупностью семантических и прагматических факторов.

Тем не менее прагматико- и семантико-ориентированные подходы далеко не всегда срабатывают в отношении этих форм в древнерусском языке. В отличие от современного языка, для древнерусских собственных имен XI–XIV вв., внешне имеющих гипокористическую структуру, зачастую не удается выделить какой-либо четкой уменьшительной или пейоративной. Некоторым исключением может являться суффикс *-ец (-ьц)*, в ряде случаев имеющий уменьшительно-уничижительное значение [Селищев 1968: 126]. Так, с помощью этого суффикса образуются имена убийц кн. Бориса Владимировича в 1015 г. и Ярополка Изяславича в 1086 г. («законопреступник» *Талець* и «*Нерадьць трьклатый*» [Лавр., л. 46, 69] соответственно. Тем не менее круг значений этого суффикса не исчерпывается подобными контекстами и в значительной части памятников (в частности, в заветаниях) «решительно невозможно усмотреть негативной окрашенности в его употреблении» [Литвина, Успенский 2006: 132] семантики [Селищев 1968: 118–119; Зализняк 1986: 147; Успенский 2005: 14–15; Литвина, Успенский 2006: 131]. В частности, древнерусские памятники изобилуют гипокористическими именами как в отношении положительных героев с высоким социальным статусом (князья, посадники, см. примеры 2–4), так и в отношении рядовых персонажей (5–6). Однозначной связи с языковым регистром для этих форм также не просматривается: гипокористические формы встречаются и в отдельных житиях (1), и в летописях (2–5), и в берестяных грамотах (6–7):

1. Усеченные имена без дополнительных суффиксов (для имен с консонантическим базисом): *Грига, Протас, Василь*;

2. Усеченные имена с суффиксами:

— *-ш-* (*Ивашь, Ярошь*),

— *-х-ън-о* (*Стехъно, Грихъно*),

— *-ил-* (*Селила, Путила*),

— *-ат-а* (*Климата, Гостата, Гюрата*),

— *-ък-* (*Михалъко*).

Семантика и функциональные особенности употребления таких имен на данный момент остаются предметом дискуссии. В работах А. А. Зализняка [1986: 146] отмечается, что гипокористические формы «обладали (по крайней мере первоначально) дополнительным значением уменьшительности, ласкательности, фамильярности или

¹ Данный способ распространен, в частности, при образовании гипокористик в ряде языков банту [Newman, Ahmad 1992] и др., с возможными морфологическими чередованиями, в зависимости от конкретного языка): русск. *Ваня, Ивашка, Гриха, Сеня, Сашок, Толян, Димыч* и др. Традиционно эти формы связываются с семантикой уменьшительности, ласкательности, фамильярности, более низким социальным статусом адресата, а также стилевыми и региональными особенностями [Суперанская 1969: 126–127; Frank 1975: 514; Сулова, Суперанская 1991: 108 и сл.; Варбот, Журавлев 1998; Зализняк 2004: 206; Суперанская и др. 2007: 118; Brendler 2008: 146; Ainiala et al. 2012: 133].

эмоционально-оценочным», однако при этом констатируется, что «у определенной части таких имен эти дополнительные значения (...) ослаблены или даже почти стерты». По-видимому, этим обусловлен комментарий Зализняка об усеченных именах с консонантным базисом, полученных отбрасыванием *-uu*: «Они шире, чем любые другие, используются в качестве готовых основ, и (...) обычно выступают уже не как гипокористики, а просто как варианты исходного имени, например, *Игнатъ* при *Игнатию*, *Василь* при *Василию* и т. п.» [Зализняк 2004: 207].

Тем не менее определенная дифференциация в этих вариантах также прослеживается: «Мы не встречаем в источниках уменьшительную форму *Василь*, коль скоро речь идет о князьях. Здесь уместной оказывается только форма *Василько*» [Литвина, Успенский 2006: 137]. Этот факт показывает, что социальный статус и общественное положение конкретного лица в Древней Руси могли коррелировать с его именованием в памятниках. В этой связи перспективным объектом исследования выглядят гипокористические формы одних и тех же имен, употребляемых в отношении лиц с различным социальным статусом и положением. Однако надежная идентификация носителей имени чаще всего оказывается возможной только в отношении лиц с высоким социальным положением — митрополитов, архиепископов, князей, некоторых посадников и тысяцких 5; про других персонажей чаще всего можно судить лишь на основании общего контекста и единичных фрагментарных сведений. В этом плане все четко идентифицированные лица представляют особую ценность.

Некоторую трудность для сопоставительного исследования имен у лиц разных социальных слоев представляет то, что исконно славянские и христианские имена в отношении лиц из разных слоев общества изначально функционировали по отличным друг от друга принципам. Так, исконно славянские княжеские имена (*Ярополк*, *Святослав*, *Изяслав*, *Брячислав* и др.) в древнерусских источниках давались людям не княжеского происхождения очень редко и лишь в ту пору, когда выходили из обихода княжеской династии. Не-князья, в свою очередь, могли носить схожие по своей структуре двухосновные имена (*Жирослав*, *Миронег* и др.), но почти никогда не носили имен, совпадающих с княжескими [Litvina, Uspenskij 2015: 362]. Иначе обстояло дело с христианскими именами: начиная с XI в. они распространяются как среди князей, так и среди рядовых горожан [Литвина, Успенский 2006: 136], в ряде случаев фигурируя в гипокористическом варианте. По сути, наиболее четкая дихотомия (полный vs. гипокористический вариант, в ряде случаев — несколько вариантов) в сочетании с носителями различного социального статуса, делающая возможным проведение сопоставительного анализа, прослеживается в древнерусском языке только для христианских имен. Именно этим обусловлен их выбор в качестве объекта исследования.

References:

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учебное пособие. — 2-е изд., испр. — М.: Рольф, 1999. — С. 356—361. — 448 с. — ISBN 5-7836-0183-7.
2. Розенталь Д. Э. и др. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М.: ЧеРо, 1999.

3. *Бондарук Г. П.* Названия улиц Москвы: их официальное употребление и написание // Вопросы географии. Сб. 126: Географические названия в Москве. — М.: Мысль, 1985. — С. 170—173.
4. *Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова.* — Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.
5. *Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н.* Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебное пособие. — М.: Изд-во МГУ; ЧеРо, 1997. — 480 с. — ISBN 5-211-03552-6.
6. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973.
7. *Салищев К. А.* Картоведение. — М.: Изд-во Московского университета, 1976. — С. 150. — 440 с.